

ПАРАДНЫЙ ОБЪДЪ.

У купца Амоса Потапыча Семишкурова подтасовались сразу три радости: Станислава на шею получилъ «за благочестіе и позлащеніе иконостаса», домъ новый окончилъ постройкой и переѣхалъ въ него на новоселье, занявъ «подъ себя» большое помѣщеніе и заново омеблировавъ его.

— Довольно лаптемъ-то щи хлѣбать, можно и порасшириться... Слава Богу, на нашъ вѣкъ теперь хватить!—сказалъ онъ женѣ и порѣшилъ всѣ эти три радости праздновать параднымъ обѣдомъ, подогнавъ его къ 17-му сентября, къ именинамъ жены.

Прежде всего рѣшено было угостить «нужныхъ» людей. Гости приглашались съ разборомъ и «кто почище», но такъ какъ приглашеніемъ нельзя было обойти близкихъ родственниковъ и изъ сѣраго купечества, то ихъ приглашали съ тонкимъ внушеніемъ:

— Милости просимъ, говорилъ имъ Семишкуровъ:—Только смотрите,—обѣдъ парадный будетъ. Нашъ пріютскій генералъ обѣщался быть и, окромя того, нѣкоторые финансовыя лица изъ банковъ. Хочу по модному устроить и чтобы съ рѣчами. Голаго пьянства не будетъ, а все какъ по благородному... потому неловко, осудить могутъ.

— Да мы нешто только изъ-за одного пьянства?... пробовали обижаться родственники.

— Нѣтъ, я такъ къ слову... Иной сейчасъ нажрется винища и въ ссору полѣзетъ. Разные тоже бываютъ. А зачѣмъ это? Выпилъ по малости, да сиди и слушай, что умные люди говорятъ.

— Ну, вотъ, учи еще! Что жъ, у тебя калегварды будутъ играть?

— Зачѣмъ? Коли рѣчи, такъ калегвардовъ не надо. Нынче эта музыкальная горлопятина за обѣдами ужъ не въ модѣ, особливо ежели кто въ своемъ собственномъ домѣ, а не въ ресторанѣ... Такъ милости просимъ, господа!

— Придемъ.

Обѣдъ стряпалъ «французъ», сервировка была отличная, меню на атласной лентѣ, съ вензелевымъ изображеніемъ имени хозяина дома и подъ короной. Французу вмѣнено было въ обязанность, чтобы въ числѣ кушаній была непременно подана коза съ позолочеными рогами и чтобы на стерляди стояли раки на шпагахъ и чтобы «корякой».

— Какъ въ графскихъ домахъ... прибавилъ хозяинъ.

Гостей звали на обѣдъ ровно въ пять часовъ, а гости купцы, по купеческой замашкѣ, начали собираться только въ шестомъ часу. Пріютскій генералъ пріѣхалъ первымъ, а вторымъ пришелъ приходскій протопопъ въ свѣтлосиней шелковой рясѣ. Хозяина несказанно опечалило, что генералъ былъ безъ ленты, а только со звѣздой на фракѣ. Хозяинъ долго трясъ ему руку и не утерпѣлъ-таки, чтобы не сказать:

— А я полагалъ, ваше превосходительство, что вы меня во всемъ парадѣ осчастливите.

Генералъ понялъ, въ чемъ дѣло, и улыбнулся.

— Въ лентахъ, мой милый, Амосъ Потапычъ, только на парадные обѣды принято ѣздить, любезно отвѣчалъ онъ и потрепалъ хозяина по плечу.

— Помилуйте, да вѣдь у меня сегодня парадный обѣдъ и есть. Вѣдь я двадцать лѣтъ вѣрой и правдой грошъ къ грошу приколачивалъ, чтобы домъ-то выстроить. Наконецъ черезъ ваши же руки такое благоволеніе... прибавилъ хозяинъ и поправилъ орденъ на шеѣ:—Я даже полагалъ сегодня нашъ пріютскій мундиръ надѣть, да такъ ужъ... Надѣюсь, ваше превосходительство, что вы ужъ хоть осчастливите меня за обѣдомъ нѣсколькими теплыми словами отъ души?

— Обѣденныхъ рѣчей я вообще не говорю, но для моего почтеннаго и многоуважаемаго...

— Премного вами благодаренъ, ваше превосходительство!— снова потрясъ хозяинъ руку генерала.

Протопопъ расчесывалъ гребнемъ волосы, косился на приготовленную закуску и говорилъ:

— Поздненько у васъ, драгоценный Амосъ Потапычъ, къ обѣду гости-то съѣзжаются. Словно якобы вы на акриды и дикий медъ звали, но, судя по трапезѣ, нужно предполагать противное сему.

— Да вѣдь что же вы подѣлаете съ нашимъ купеческимъ невѣжествомъ! Мало еще насъ въ газетахъ хлещутъ! Звалъ къ пяти, а они по своему сѣрому понятію такія мысли содержатъ, что мошь чѣмъ поздне, тѣмъ лучше: придешь мошь рано, такъ словно даровой ѣдѣ обрадовался, пояснилъ хозяинъ.

Влетѣлъ приставъ изъ участка, въ мундирѣ и густыхъ эполетахъ.

— Съ монаршею милостью, съ новосельемъ и съ именинницей!—заговорилъ онъ, потрясая руку хозяина:—Гналъ, гналъ кучера, думалъ, что ужъ опоздалъ, анъ оказывается..-

Приставъ обвелъ глазами комнату.

Вошелъ извѣстный всему Петербургу маленькій финансовый еврей, съ подстриженною бородкой на обезьяньемъ лицѣ и съ оскаленными зубами. Хозяинъ опрометью бросился къ нему и сталъ потрясать его руку.

— Некрещеный?—тихо спросилъ одинъ купецъ другаго.

— Некрещеный.

— А ловко ли православнымъ христіанамъ съ нимъ за одною трапезой?.. Уже и Амосъ Потапычъ тоже!.. Человѣкъ благочестивый, и вдругъ... Смотри, съ отцомъ протопопомъ кланяется!

Хозяинъ то и дѣло посматривалъ на часы. Было почти шесть. Гости собирались, но вяло.

— Господи! Что жъ это какой безпорядокъ! Зовешь къ пяти, и вдругъ такое продленіе?—всплескивалъ онъ отчаянно руками:—Господа, пожалуйста закусить пока... А тѣмъ временемъ можетъ быть и соберутся, прибавилъ онъ:—Батюшка, благословите трапезу и начните вмѣстѣ съ его превосходительствомъ. Исаакъ Соломоновичъ, прошу покорно!—обратился онъ къ финансовому еврею.

Отецъ протопопъ благословилъ и, придерживая лѣвою рѣкой рукавъ рясы, правою взялся за графинъ съ водкой. Купцы стали подходить къ закускѣ. Были и фрачники, были и сюртучники. Все вниманіе сюртучниковъ было обращено на финансового еврея.

— Смотри, смотри, шептали они:—Водку благословенную

плетъ, а колбасы не трогаетъ. Вонъ сардинку взялъ... икру ѣсть.

— По ихней жидовской вѣрѣ колбасу ежели или ветчину—бѣда! Сейчасъ нужно къ своему попу въ синагогу бѣжать, чтобы ротъ святить. У нихъ строже нашего. Попъ поставить въ уголь и заставить цѣлый день бормотать безъ удержа жидовскія молитвы.

Водка оживила гостей. Начался громкій говоръ. Хозяинъ подбѣжалъ къ купцамъ фрачникамъ.

— Господа!—сказалъ онъ:—Генераль за обѣдомъ будетъ рѣчь говорить, такъ ужъ жарьте и вы послѣ него. «Въ настоящее молъ время, когда мы всѣ собрались вкупѣ»... Ну, и такъ далѣе... Петръ Федоровичъ, вѣдь въ думѣ же иногда произносите! Наконецъ я и въ обществѣ взаимнаго кредита слышалъ, какъ ты рѣзалъ. Чего отставать отъ людей? Современности надо подражать.

Отъ купцовъ-фрачниковъ хозяинъ перебѣжалъ къ сюртукамъ, взялъ подъ руку какую-то клинистую бороду и отвелъ въ сторону.

— Сидоръ Пантелѣичъ, генераль будетъ ужо рѣчь говорить, такъ ужъ пожалуйста не перебивай его. Я тебя знаю. Ты, какъ выпьешь лишнее, сейчасъ и закричишь не вовремя «ура!». Лучше въ порядкѣ...

Гость обидѣлся.

— Коли хочешь, такъ я и за столъ не сяду. Важное кушанье—твой генераль! Видали мы!

— Не кричи! Я тебя честью прошу. А на счетъ стола, зачѣмъ же? Ежели бы я не хотѣлъ, то и не звалъ бы тебя. Ну, полно кочевряжиться! Я вѣдь по пріятельски...

Четверть седьмага сѣли за столъ. Хозяинъ старался сажать гостей «по ранжиру». Протопопа посадилъ по правую руку отъ себя, финансоваго еврея—по лѣвую. Генерала помѣстилъ напротивъ. Рядомъ съ генераломъ сѣла хозяйка.

— Такъ вы, ваше превосходительство, во всякую минуту и будете мелькать передъ моими глазами, а я буду наслаждаться пріятнымъ лицезрѣніемъ вашей персоны,—сказалъ хозяинъ.

Сюртукамъ и гостямъ «попроще» отвели мѣста на концахъ стола. Тѣ все еще продолжали интересоваться «жидомъ».

— Эхъ, не хорошо со стороны Амоса Потапыча. На ста-

рости лѣтъ, и вдругъ этакія штуки!—говорилъ кто-то:—Человѣкъ онъ богобоязненный, еще недавно иконостасъ позолотилъ, владыкѣ лично извѣстенъ и вдругъ протопопа вмѣстѣ съ жидомъ сажать! Нешто это можно?

— Видно можно. Вѣдь протопопъ-то самъ знаетъ, и къ стулу не привязанъ,—пробовали возражать.

— А можетъ быть онъ введенъ въ заблужденіе и полагаетъ, что это крещеный жидъ.

Сначала за столомъ было все чинно. Слышались удары ложекъ о тарелки. Протопопъ раза два принимался рассказывать хозяину, что такое «акрида» и сподвижническая верига, привелъ примѣръ изъ Іова многострадальнаго, но хозяинъ его не слушалъ и все обращался къ генералу.

— Ваше превосходительство—мадерки! Я передъ вами нарочно особенную бутылку поставилъ. Благоволите пригубить. Это мадера дорогая.

— Выпью, выпью, отвѣчалъ генералъ и разговаривалъ съ хозяйкой.—Мать—великая вещь! говорилъ онъ.—Главная задача матери заключается въ воспитаніи молодаго поколѣнія, въ передачѣ нравственныхъ идей, такъ сказать, въ гуманномъ...

— Только и трудно же, ваше превосходительство, съ дѣтьми, перебивала его хозяйка:—Шалать ужъ очень. Вѣрите ли, иногда всѣ руки обхлещешь объ ихъ головы...

Финансовый еврей, наклонясь къ хозяину, шепталъ:

— Цвѣтникъ женскаго пола хотя и не великъ у васъ за обѣдомъ, но блистаетъ прекрасными женщинами. Я всегда люблю имѣть большое любованіе на женщинъ русскихъ купцовъ. Здоровье и самый лучшій свѣжесть... такъ, что даже благоуханіе... О, русскіе купцы имѣютъ свой вкусъ!

— Кормимъ мы ихъ хорошо, Исаакъ Соломоновичъ, заботъ у нихъ нѣтъ, вотъ онѣ и толстѣютъ у насъ,—отвѣчалъ хозяинъ.—А тутъ у нашего брата, какъ иногда платежи подождутъ, а въ рукахъ чужихъ векселей куча, да не знаешь куда ихъ дѣть, такъ до жиру ли? Банковый кредитъ насчетъ дисконта, сами знаете, вездѣ нынче сокращенъ. Я вотъ васъ хотѣлъ попросить... Ну, да послѣ!

— Послѣ, послѣ... согласился финансовый еврей и любезно оскалилъ зубы на какую-то рыхлую и красивую купеческую даму.

— За здоровье имянинницы! возгласилъ басомъ горластый официантъ надъ самымъ ухомъ генерала, такъ что тотъ даже вздрогнулъ.

Всѣ подняли бокалы и обратились къ хозяйкѣ. На концахъ стола задвигали стульями и шли поздравлять ее. Тамъ же забили ножами въ тарелки, и кто-то крикнулъ «ура!»; но оно не было поддержано. Хозяинъ какъ-то жалобно взглянулъ на шумящихъ гостей и замахалъ имъ руками, дескать: «Тише, господа!»

— Ваше превосходительство! Почтите радостными словами-то!—умильно обратился онъ къ генералу.

— Послѣ, послѣ... успокоивалъ его тотъ:—Еще будетъ время. Но я бы попросилъ васъ, многоуважаемый Амосъ Потапычъ, приказать официанту не провозглашать тостовъ. Мы сами ихъ провозгласимъ. А то этотъ оперный бассо-профондо надъ самымъ моимъ ухомъ...

Официанту было запрещено кричать. Понесли рыбу. На концахъ стола дѣлалось все шумнѣе и шумнѣе. Хозяинъ то и дѣло посматривалъ туда, опасаясь скандала. Онъ не пилъ, не ѣлъ отъ волненія.

— Ваше высокопреподобіе!—кричалъ какой-то купецъ черезъ весь столъ священнику.—Въ которомъ году у насъ была первая холера?

Но тутъ генералъ всталъ съ мѣста и поднялъ бокалъ.

— Господа! Я предлагаю выпить за здоровье нашего досточтимого Амоса Потапыча!—произнесъ онъ.

Тутъ ужъ гости не выдержали, застучали стульями, забили въ тарелки, закричали «ура!».

Всѣ лѣзли чокаться съ хозяиномъ, но тотъ не внималъ и умильно смотрѣлъ на генерала.

Взоръ его изображалъ просьбу. Генералъ понялъ, потеръ лобъ и началъ откашливаться. «Тсъ!» послышалось со всѣхъ сторонъ. Генералъ началъ.

— «Concordia res parvae crescunt», вытѣснена надпись на голландскомъ червонцѣ, и мы всегда должны ее памятовать...

— Это вѣрно!—откликнулся съ конца стола совсѣмъ уже зашумѣвшій купецъ съ бородой клиномъ, тотъ самый, котораго хозяинъ предупреждалъ не прерывать рѣчи.

Ему зашикали. Генералъ нахмурился и повторилъ:

— «Concordia res parvae crescunt...»

— А по-каковски это?—не унимался купецъ. }

— Имѣйте же наконецъ уваженіе къ преніямъ!—крикнулъ совѣтъ уже вышедшій изъ себя хозяинъ.

Генераль и самъ бросилъ молніеносный взглядъ на конецъ стола, но продолжалъ:

— Эту надпись должны мы памятовать всѣ до единого. Передъ нами простой русскій семейный человѣкъ, вышедшій изъ народа. Я говорю о достопочтенномъ Амосѣ Потапычѣ, нашемъ любезномъ хозяинѣ. Онъ, въ потѣ лица съѣдая свой хлѣбъ, выстроилъ свой домъ изъ крохъ, падающихъ со стола его трудовой трапезы...

По лицу хозяина текли слезы. Онъ протянулъ черезъ столъ свою руку и крѣпко пожалъ генеральскую руку.

— Вы видите роскошныя палаты, полную чашу домовитости, зеркалъ и бронзу, хрусталь и фарфоръ, серебро и золото... вдохновлялся генераль.

— Божіе милосердіе... подсказалъ протопопъ, умильно качая въ тактъ головой, но хозяинъ дернулъ его за рукавъ рясы.

— Да... Божіе милосердіе, украшенное драгоценными камнями. Однимъ словомъ, мы созерцаемъ рогъ изобилія, сыплющій свои дары въ руки достойнаго. Я потому говорю достойнаго, что онъ не лежитъ на своихъ богатствахъ какъ Кощей, а удѣляетъ ихъ отъ щедротъ своихъ и сирымъ, и нищимъ. Ежегодно вносить онъ въ нашъ пріютъ извѣстную сумму...

— Небось не вносилъ бы, кабы пріютскаго мундира не позволили носить!—опять послышался чей-то довольно громкій возгласъ, но на него не обратили вниманія.

— Но, не довольствуясь ежегоднымъ взносомъ, онъ еще недавно позолотилъ иконостасъ на свой счетъ,—говорилъ генераль:—Да... позолотилъ. Въ началѣ я упомянулъ о домѣ. Но не въ роскоши сила,—сила въ семейномъ согласіи. Въ немъ и счастье. Амосъ Потапычъ пользуется этимъ счастьемъ, сплотившись въ своей многочисленной семьѣ, среди чадъ и домочадцевъ. Поэтому-то я и началъ свое краткое привѣтствіе латинскою цитатой «Concordia res parvae crescunt». Пожелаемте же ему того счастливаго согласія и въ новоотстроенномъ домѣ, каковымъ онъ пользовался на своемъ старомъ пепелищѣ, а щедрая Фортуна посыплетъ на него богатство своимъ чередомъ. Но

важнѣе согласія здоровье, а потому выпьемте за здоровье Амоса Потапыча!

Раздалось «ура!». Хозяинъ рыдалъ отъ умиленія, полѣзъ черезъ столъ обнять генерала и уронилъ бутылки. Вино пролилось на скатерть. Гости вскочили изъ-за стола и лѣзли къ хозяину цѣловаться. Потрясали и руки генерала.

— Качать его! Качать! кричали гости, но недоумѣвали, кого качать—хозяина или генерала, а потому схватили на руки обоихъ и начали подбрасывать.

— Довольно, господа! Довольно!—кричалъ генераль.

Кой-какъ всѣ уѣлисъ. Официанты понесли жареную козу. Всталъ хозяинъ и обратился къ генералу:

— Ваше превосходительство, Аристархъ Никодимычъ! Въ головѣ моей много чувствъ, но грудь моя не находитъ словъ, дабы высказать вамъ благодарность, такъ какъ вы осчастливили меня, простаго человѣка, своимъ присутствіемъ и осчастливили радостными словами вѣры, надежды и любви въ сей день, 17-го сентября. Я уповаю и впредь поддерживать сиротъ подъ вашей администраціей, но пуще всего буду стараться очищать наше сѣрое купечество отъ азіатскаго невѣжества и, какъ простой русскій славянинъ изъ Ярославской губ., буду имъ подавать примѣръ пути къ Европѣ. А съ вашей стороны молю о поддержкѣ и поощреніи, такъ какъ мы учены на мѣдныя деньги и все что по своему образованію чувствуемъ, до цивилизаціи своимъ умомъ дошли. Дорогие гости! Выпьемте за здоровье драгоценнаго Аристарха Никодимыча!

Опять движеніе стульевъ, опять «ура!». Гости шли чокаться съ генераломъ.

— Ай да г. Семишкуровъ! Какую вы хорошую рѣчь держали! Bravo! bravo!—тихо аплодировалъ хозяину финансовый еврей.

Хозяинъ самодовольно улыбнулся.

— А теперь вы, Исаакъ Соломоновичъ, скажите, упрасивалъ онъ еврея.

— Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не говорю. Я только слушаю, качалъ тотъ головой и скалилъ зубы.

— Нельзя этому быть-съ. Мы васъ заставимъ. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, а у насъ сегодня обѣдъ европейскій и съ рѣчами.

Но въ это время поднялся съ мѣста протопопъ, и хозяинъ замахалъ руками и зашикалъ, давая знать, чтобы шумъ умокъ.

— Достопочтенные сотрапезники! началъ протопопъ.—Я не предлагаю тоста за здоровье хозяина, ибо онъ искренно уже былъ предложенъ его превосходительствомъ, но хочу въ свою очередь изрѣчь краткое привѣтствіе именитому коммерсанту. Благочестивый купецъ Амосъ Потапычъ, ревнитель храмовъ Божіихъ, подпора вдовъ и сиротъ, столпъ вѣрующаго семейства! Слѣдуя по пути цивилизаціи, который ты предначерталъ себѣ, молю объ одномъ: не поддайся ты вѣявію вреднаго нигилизма, да не коснется эта тлетворная гидра твоего сердца и да останешься ты тѣмъ же ревнителемъ и столпомъ, которымъ былъ доселѣ, радѣя храму Божію и принося посильную лепту свою на пропитаніе вдовъ и образованіе сиротъ въ духѣ христіанства!

Протопопъ кончилъ. «Ура!» раздалось на концахъ стола. Тамъ думали, что опять пьютъ за чье нибудь здоровье. И оно пожалуй было уже кстати, такъ какъ хозяинъ, отблагодаривъ протопопа троекратнымъ цѣлованіемъ, кричалъ:

— Господа! выпьемте теперь за здоровье высокочтимаго отца Иоанна!

«Ура!» стояло въ воздухѣ. Гости снова повскакали съ мѣстъ. «Качать! Качать!» слышались возгласы, трое подскочили уже къ протопопу, но хозяинъ остановилъ ихъ и загородилъ собой священника.

— Братцы, духовную особу нельзя качать!—строго сказалъ онъ:—Онъ пастырь и рукоположенъ...

Гости оставили его, но на мѣста не садились. Къ супругамъ подошелъ раскраснѣвшійся отъ вина сѣдоватый купецъ и, растопыривъ руки, забормоталъ:

— Мы хоть и по части мусорнаго очищенія подряднымъ дѣломъ занимаемся, а рѣчь сказать все таки можемъ и даже сразу обоимъ въ жилу попадемъ. Плодитесь и размножайтесь!

Купецъ поклонился и, оборотясь къ генералу, спросилъ:

— Правильно я, ваше превосходительство?..

— Вѣрно, вѣрно, старина!—одобрительно потрепалъ его тотъ по плечу.

Польщенный купецъ схватилъ его руку, и потрясая произнесъ:

— И васъ также высоко цѣнимъ! Вы вотъ нами не гнушаетесь по своему чину, а мы это чувствуемъ.

Обѣдъ приближался къ концу. Было шумно. Тосты предлагались за кого попало и кѣмъ попало. На иные изъ нихъ не обращали уже вниманія. Вдругъ хозяинъ вспомнилъ, что не пили за здоровье финансоваго еврея, а онъ «человѣкъ нужный». Его даже ударило въ жаръ отъ такой опрометчивости, но онъ нашелся, какъ поправить дѣло.

— Господа, я прошу слова! крикнулъ онъ.

— *Silentium omnibus!*—шутливо протянулъ хозяину въ тонъ отецъ протопопъ.

— Господа, я предлагаю выпить за здоровье трудолюбиваго и почтеннаго Исаака Соломоновича!—продолжалъ хозяинъ.—Но да не обидится онъ, что мы пьемъ его здоровье въ концѣ празднаго обѣда. Остатки всегда сладки. Выпьемте!

Тостъ былъ принятъ холодно, но нѣкоторые все-таки повскакали изъ-за стола и лѣзли чокаться съ евреемъ. Тотъ расцѣловался съ хозяиномъ «по-русски», какъ онъ говорилъ, то есть троекратно и со щеки на щеку, а гостямъ какъ вербный аллебастровый заяцъ учащенно кивалъ головой, щурился и любезно скалилъ зубы.

— Смотри, съ жидомъ цѣлуется! Ахъ, старый песъ!—довольно громко замѣтилъ про хозяина одинъ купецъ другому.

Хозяинъ сталъ просить финансоваго еврея сказать какуюнибудь рѣчь. Тотъ и рѣшился было, ибо хотѣлъ сгладить ея свое неловкое положеніе, всталъ съ мѣста и только началъ: «Я прошу извиненія, что такъ какъ я не славянинъ, то и не могу имѣть и хорошаго разговора по-русски», какъ вдругъ кто-то перебилъ его и во все горло заоралъ:

— За здоровье пристава, такъ какъ они наши защитники!

Большинство забило ножами въ тарелки. Приставъ раскланивался, а финансовый еврей сѣлъ и уже наотрѣзъ отказался продолжать рѣчь.

— Я не умѣю, я не умѣю... Да и не время теперь... бормоталъ онъ сконфуженный.

Хозяинъ былъ вѣбшенъ и даже поблѣднѣлъ отъ злости.

— Вотъ, ваше превосходительство, какое еще у насъ въ купечествѣ безобразіе среди всей цивилизаціи!—отнесся онъ къ генералу.